

УДК 00
ББК 72.6

Из римских писем. Переписка Ф. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова в декабре 1874 — январе 1875 года

Людмила Витальевна Фадеева

(Государственный институт искусствознания:
Российская Федерация, 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5)

Аннотация. Настоящая публикация знакомит с перепиской двух русских филологов, учителя и ученика, Федора Ивановича Буслаева и Александра Ивановича Кирпичникова. Из сохранившейся в архивах обширной корреспонденции ученых взято три письма, в которых нашло отражение их отношение как к гуманитарному знанию в целом, так и к проблеме проницаемости его внутренних границ. Письма Ф. И. Буслаева из Рима могут быть по праву оценены как лучшие образцы его эпистолярного наследия. Они позволяют судить об отношении ученого к собственному пути в науке, приоткрывают важные страницы его самообразования и объясняют стремление одного из основоположников отечественной филологии к постоянным занятиям историей искусства, а также его убежденность в неразрывной связи словесного и изобразительного творчества.

Ключевые слова: фольклористика и история литературы, искусствоведение, история науки, Ф. И. Буслаев, А. И. Кирпичников.

Дата поступления статьи: 12 марта 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

Для цитирования: Фадеева Л. В. Из римских писем. Переписка Ф. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова в декабре 1874 — январе 1875 года // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 167–181.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.1.014>

Переписка выдающегося русского лингвиста, историка литературы, автора нескольких заметных трудов по древнерусскому и западноевропейскому средневековому искусству Ф. И. Буслаева с коллегами представляет собою один из интереснейших источников для изучения его научной деятельности и для понимания его взглядов на цели и задачи гуманитарного знания, а также на перспективы его развития в XIX столетии. Неслучайно публикация писем как самого Буслаева, так и адресованных ему ведется довольно регулярно, хотя процесс этот сопряжен с немалыми затруднениями — и в силу

сложности чтения автографов ученого, ведь почерк его был хотя и аккуратным, но отнюдь не всегда четким и разборчивым, и в силу обилия сохранившейся корреспонденции, разбросанной по разным архивным хранилищам и порой нуждающейся в уточнении датировки, соединении разрозненных фрагментов писем, составлении необходимых комментариев к упоминаемым в них именам, событиям, научным изданиям и литературным памятникам. Среди наиболее заметных публикаций, на которые необходимо обратить внимание тем, кому безразлична судьба эпистолярного на-

следия выдающегося русского филолога, следует упомянуть прежде всего статьи и публикации [Абрамович 1925; Афиани 1972; Кызласова 1985; 1986 и др.]. Примечательно, что первым начал публикацию собственных писем сам Буслаев, включив их в свои воспоминания в качестве достоверного свидетельства о прошлом. К старым письмам он прибегал как к документам, зафиксировавшим «настроечное момента», которое спустя годы невозможно было бы передать со всей свежестью и яркостью переживания [Буслаев 1897, 153–155, 206, 207, 273, 274, 376–380].

Настоящая публикация представляет читателю крошечный эпизод обширной переписки, длившейся более четверти века. Начата она была в 1871 г. по инициативе недавнего слушателя читанного Ф. И. Буслаевым университетского курса, постоянного посетителя вторников и воскресений у него дома — А. И. Кирпичникова. Молодой ученый, встретивший препятствия на своем пути в Московском университете, отправился для продолжения образования за границу, откуда просил советов у московского профессора, всегда проявлявшего большую заинтересованность в его профессиональной судьбе. В результате переписка между ними продолжалась с незначительными перерывами вплоть до кончины Ф. И. Буслаева, последовавшей в 1897 г. Обмен письмами происходил вне зависимости от того, где находились оба корреспондента — в Москве, Петербурге, Харькове, Одессе, Ревеле, Лейпциге, Париже, Вене, Нюрнберге, Инсбруке, Венеции, Риме. За это время А. И. Кирпичников из бывших студентов перешел в разряд профессоров, заявив о себе яркими, хотя и не всегда бесспорными с точки зрения коллег работами. Но что еще более важно — он оказался в числе очень немногочисленных любимых и уважаемых Буслаевым учеников, а то и друзей, став одним из тех собеседников, с которыми старый учитель говорил открыто и без обиняков, не стесняясь в оценках происходящего, критически оценивая действия университетской профессуры и всячески настаивая

на необходимости ухода в кабинетную исследовательскую работу в противовес факультетским дрязгам.

Письма Ф. И. Буслаева и А. И. Кирпичникова сохранились неплохо, хотя и не без утрат. Большие фрагменты этой переписки хранятся в нескольких архивных собраниях в личных фондах адресатов. Письма Буслаева сосредоточены по преимуществу в рукописном отделе ИРЛИ РАН — в фонде Александра Ивановича Кирпичникова¹. Несколько копий с писем Ф. И. Буслаева (не повторяющих письма из собрания ИРЛИ) есть в отделе рукописей РГБ — в фонде археографа, хранителя древностей московского Публичного и Румянцевского музеев С. О. Долгова, лично знавшего А. И. Кирпичникова, готовившего некролог о нем для «Византийского временника» [Долгов 1903] и, вероятно, намеревавшегося издать наиболее интересные фрагменты из переписки учителя и ученика². Письма А. И. Кирпичникова, адресованные Буслаеву и в основном не датированные, также хранит отдел рукописей РГБ (соответственно фонд Ф. И. Буслаева)³.

Начать знакомство с этими документами, как представляется, наиболее интересно с писем, которые русские ученые писали друг другу из заграничных путешествий. Причин тому много, и прежде всего отношение их самих к возможности длительных выездов в крупные европейские университетские центры, вроде Гейдельберга, Геттингена, Берлина, Лейпцига, Праги и пр., с целью прослушать тот или иной лекционный курс, принять участие в работе «семинариев», посвященных анализу памятников древней или средневековой книжности, а также поработать в старейших библиотеках, сохранивших ценные книжные раритеты. Такие поездки давали возможность не просто установить диалог с зарубежными коллегами, но и познакомиться с наиболее продуктивными методами европейской науки, прежде всего филологической, о перспективах развития которой на русской почве много думали и полемизировали в то время. К этому тяготел сам Ф. И. Буслаев, и к этому же он всегда побуждал своих учеников. Сколь плодотворными для них были

¹ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 421. № 2. 61 п. 121 л.

² ОР РГБ. Ф. 484. Картон 2. Ед. хр. 20. 44 л. переписки (из них 10 писем написаны Ф. И. Буслаевым).

³ Там же. Ф. 42. Картон 12. Ед. хр. 32. 66 л.

результаты таких «стажировок», можно видеть хотя бы на примере А. Н. Веселовского и А. И. Кирпичникова.

Не будем, однако, забывать, что первый опыт приобщения Буслаева к европейским художественным ценностям был иным, нежели у его молодых коллег. Как известно, вскоре после окончания Московского университета, в 1839–1841 гг., он совершил двухлетнее путешествие по Германии и Италии в качестве домашнего учителя в семье графа С. Г. Строганова. К этому начальному периоду своей жизни он постоянно возвращался в воспоминаниях⁴, считая его особенным этапом личностного образования, открывшего для него обширную область интересов за пределами его основного предмета — языка и литературы — и пробудившего в нем стремление к постижению истории искусства. Такого рода воспоминания и размышления, в частности, нашли отражение и в переписке Ф. И. Буслаева с А. И. Кирпичниковым (см. в письме ниже). Во время этой первой поездки по городам Италии у Буслаева была возможность выучить итальянский язык. Интерес к нему он передал в дальнейшем многим своим ученикам⁵. Но здесь же он погрузился в пока еще любительское исследование памятников искусства древности и Средневековья, которые мог увидеть воочию. Чтение книг по археологии и истории искусства — прежде всего Иоганна Иоахима Винкельмана⁶, Франца Теодора Куглера⁷ и Карла Отфрида Мюллера⁸ — он сопровождал посещением описываемых в них произведений, сверяя вычитанные в книгах суждения авторитетных ученых с собственными свежими впечатлениями. Именно в этой поездке начинает формироваться художественный вкус будущего исследователя древнерусской иконописи и лицевых рукописей, его умение видеть и понимать памятники архитектуры и изобразительного искусства.

Возможность вернуться в Италию спустя три с половиной десятилетия, т. е. в середине 1870-х гг., явилась для маститого ученого настоящим событием. Это не была праздная поездка человека, захотевшего на какое-то время отойти от дел и насладиться красотами Апеннинского полуострова, хотя Буслаев не собирался отказывать себе и в любовании средиземноморскими ландшафтами. Описывая в письме к своему другу, археографу А. Е. Викторову маршрут, который они с женой проделали по северу Италии, прежде чем попали в Рим, Ф. И. Буслаев упоминает Турин, Геную и морское побережье, Пизу, Флоренцию, где провели около месяца, Сиену и Орвието. «Столько в этом пути интересного, столько прекрасного и в природе и в искусстве, что пером не написать. Коль не на шутку собираетесь за границу, выезжайте-ка к нам на встречу: тогда увидите сами» [Буслаев 1897, 378].

Хотя целью предпринятой в 1874 г. поездки был Рим, где семейство Буслаевых задержалось на несколько месяцев, длительная остановка во Флоренции вполне понятна. «Я во Флоренции уже четвертый раз, — читаем далее в письме, — теперь она мне еще милее и дороже. Весь город — музей, и всё это великолепие художественное не занесено извне, как в петербургском Эрмитаже или в парижском Лувре, а всё оно доморощенное. Все эти великие художники от XIV и до XVI вв. тут родились, тут жили и исподволь украшали свой родной город. Чтобы вполне понять историю искусства, чтобы насладиться изящным как необходимым, существенным элементом жизни, надобно пожить во Флоренции» [Там же, 379] (выделено мною. — Л. Ф.). Ф. И. Буслаев внимательно изучает ту сторону повседневности

⁴ О заграничном путешествии со Строгановыми см. прежде всего: [Буслаев 1897, 155–270].

⁵ Не без влияния Буслаева обратился к изучению итальянского и Кирпичников.

⁶ Его труд “Geschichte der Kunst des Altertums” (История искусства древности, 1759) был незадолго до того переиздан с обширными комментариями и дополнениями, отражающими взгляды историков искусства первой трети XIX в. Ф. И. Буслаеву удалось приобрести эту книгу в Дрездене, чтобы уже не расставаться с нею на протяжении всей поездки [Буслаев 1897, 162].

⁷ Его “Handbuch der Geschichte der Malerei in Italien seit Konstantin dem Großen” (Руководство к истории живописи со времен Константина Великого), впервые опубликованное в Берлине в 1837 г., Буслаев также приобрел в начале поездки.

⁸ Его “Handbuch der Archäologie der Kunst” (1830), которое было в руках Ф. И. Буслаева во время этого путешествия, считается первым систематическим руководством по археологии искусства.

крупнейших городов искусства в Италии, которая связана с коллекционированием художественных артефактов, прежде всего относящихся к античности и Средневековью, а также с формированием музейных собраний и популяризацией научного знания об истории искусства. Он посещает публичные лекции по археологии античного Рима, участвует в лекциях-прогулках по древнему городу, знакомящих с доступными обывателям и туристам памятниками древнего и раннего христианского искусства⁹. Многие из этих впечатлений, наиболее существенные с его собственной точки зрения, он включает в «Римские письма 1875 года», которые в дальнейшем составили отдельную главу «Моих досугов» [Буслаев 1886 (I), 55–129].

Письмо к А. Е. Викторову, строки которого мы приводим здесь по воспоминаниям Буслаева, во многом перекликается с его корреспонденциями А. И. Кирпичникову, относящимися к зиме 1874/75 г. Московский профессор не просто наблюдает римскую жизнь — он изучает ее и охотно делится переполняющими его впечатлениями. Происходящее на улицах и площадях древнего города, незадолго до этого (в январе 1871 г.) обретшего статус столицы объединенной Италии, — источник размышлений Ф. И. Буслаева о ходе истории и о возможности переживания постоянного зримого присутствия прошлого в настоящем. Из частной переписки эти наблюдения и мысли переходят в открытую корреспонденцию, предназначенную для периодических изданий. И в этом смысле письма друзьям и ученикам можно рассматривать как «пробу пера» ученого и публициста — своеобразные эскизы, постепенно вырастающие в его газетные и журнальные статьи.

Жанр письма Буслаев использует как сложившуюся и зарекомендовавшую себя в литературной традиции форму, в которую прекрасно укладываются путевые

заметки. Ну как тут не вспомнить о его интересе к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина и о той высокой оценке, которую он дал их роли в развитии русской читательской аудитории. Еще в декабре 1866 г. в своей публичной лекции, посвященной столетию Карамзина, он говорил: «Необычайная цивилизующая сила этих писем, кроме высокого дарования и обширных сведений автора, много зависела от самой формы этого рода сочинений. Вместо систематических трактатов об истории и статистике западных народов, об их литературе, искусстве и науке перед читателями постоянно является симпатическая личность русского человека, высоко образованного, насколько это было возможно в конце прошлого столетия, и в высшей степени впечатлительного и даровитого, который с каждым шагом на своем пути созревает, неумоимо учится и из книг и из бесед со знаменитостями того времени, по мере успехов — передает плоды своего развития своим немногим друзьям, круг которых должен был расширяться на всю читающую русскую публику... и многочисленные читатели их по всем концам нашего отечества нечувствительно воспитывались в идеях европейской цивилизации, как бы созрели сами вместе с созреванием молодого русского путешественника, учась смотреть на образование его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами» [Буслаев 1886 (II), 169].

Точно так, как описывает это Ф. И. Буслаев, характеризуя «Письма русского путешественника», рядом с его собственными письмами «немногим друзьям» рождаются те самые «Римские письма», написанные для всей «читающей русской публики», ну, или, по крайней мере, для аудитории «Московских ведомостей»¹⁰. Эти письма не только обрели свою выразительную интонацию — хорошо узнаваемый, прекрасно

⁹ См. о лекциях профессора Фабио Гори, которые характеризуются Буслаевым в «Римских письмах» как археологически-исторические прогулки: «Через объявления в газетах публика приглашалась в какое-нибудь известное место, например на Форум, в Колизей, в замок св. Ангела, и там же о тех местах и памятниках читалась лекция» [Буслаев 1886 (I), 93].

¹⁰ Причем некоторые из этих корреспонденций так и остались принадлежностью газетной публикации и не были в дальнейшем повторены в «Моих досугах», как, например: [Буслаев 1875]. Ф. И. Буслаев отобрал для сборника лишь то, что уж точно не было «однодневкой», даже если и касалось событий политической и социальной жизни Рима (как, например, встреча и чествование Гарибальди в Термини), а не только жизни культурного и научного сообщества, сосредоточенного в древнем городе с целью обнаружения и исследования его памятников [Буслаев 1886 (I), 55–129].

отточенный «буслаевский» стиль¹¹. Они представляют уже завершённый, полностью очерченный в сознании их автора образ della Città Eterna¹²: «...в Риме всякая старина, сколько бы ни была она далека от современности, служит на потребу текущей жизни, приноравливается, реставрируется и подновляется на запрос минуты. Последний прожитый день бросает свой мимолетный след на крепко улегшиеся слои прошедших веков и поколений, как это, собственно, бывает в историческом развитии жизни и везде вообще, но только здесь в Риме, будучи каждый раз наглядно воплощаем в новые и новые реставрации развалин и прежних сооружений, совершается это воочию, осязательно, в буквальном смысле этого слова» [Буслаев 1886 (I), 71].

Однако пребывание Буслаева в Риме было одновременно наполнено и непрерывной работой в библиотеках, куда он отправляется ради изучения лицевых рукописей. Об этих впечатлениях он пишет другие свои открытые корреспонденции — уже научного характера. В небольших письмах, посланных Г. Д. Филимонову для публикации в «Вестнике Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее» и датированных декабрем 1874 — январем 1875 г., ученый описывает свои беседы с немецким византинистом Жаном-Полем Рихтером, сотрудником Немецкого института археологической корреспонденции в Риме, и тут же делится наблюдениями над двумя греческими Псалтирями с иллюстрациями (из Парижской национальной библиотеки и из библиотеки Барберини), причем приходит к выводу о существовании в византийском искусстве двух редакций лицевой Псалтири [Буслаев 1930]. В данном случае жанр письма не исключает анализа художественного явления и стремления показать его значение для истории русского искусства. Ф. И. Буслаев торопится рассказать о своей находке, пусть и не в форме академической научной статьи. Барберинская редакция, с его точки зрения, представляет особую ценность для всех, кто занимается византийско-русскими

лицевыми Псалтирями, поскольку «к самым ранним древнехристианским сюжетам присовокупляет она целый цикл византийской иконографии, как он установился впоследствии и потом был принят у нас в иконописных подлинниках, то есть в изображении Благовещения, Рождества Христова, Крещения, Преображения, Воскресения Христова в виде сошествия во ад, в изображении типов апостолов, отцов церкви и пр.» [Там же, 216].

Буслаев неумоимо исследует во время своего путешествия музеи и библиотеки и пользуется любой возможностью, чтобы расширить свой искусствоведческий кругозор и пополнить коллекцию копий с произведений средневекового искусства, которую кропотливо собирает. Вот как он позднее вспоминал о своем знакомстве с французским исследователем христианской археологии Шарлем Кайэ (Ch. Cahier), диалогам с которым отдал немало времени по прибытии в Париж. «Общие обоим нам интересы по одной и той же специальности в изучении иконографии и церковных древностей очень скоро сблизили нас друг с другом, и я в течение целых двух месяцев каждую неделю раза по два приходил к нему, всегда после его раннего монастырского обеда, и беседовал с ним часов до трех. Он был очень общителен и любил поговорить; видя во мне внимательного и хорошо подготовленного слушателя, он охотно передавал мне свои разнообразные и обширные сведения, свои взгляды и замыслы по исследованиям средневековой старины... Наши ученые беседы велись вот в каком порядке. Предварительно он приготовлял для меня несколько отдельных рисунков из своих монографий и подробно объяснял мне каждый из них, а на расставанье отдавал их мне в мою собственность, так что всякий раз я возвращался домой с порядочным запасом рисунков, от десяти до двадцати» [Буслаев 1897, 383]. Столь же плодотворным оказалось и знакомство с Полем Дюраном, знатоком иконописи и византийской архитектуры, прогулку с которым по Шартрскому собору Ф. И. Буслаев описывает в отдельном

¹¹ Здесь стоит упомянуть, что, говоря о Буслаеве как о «выдающемся стилисте», А. Л. Топорков в качестве примера, наряду с опубликованными статьями ученого, приводил и его корреспонденции из Италии и Германии, с которыми был хорошо знаком по архивам [Топорков 1997, 39].

¹² Вечного города (*ит.*).

очерке [Буслаев 1886 (I), 174–190]. Эти встречи на пути в Рим и по возвращении из него, уже по дороге домой, свидетельствуют о том, что Ф. И. Буслаев ни на минуту не перестает быть пытливым студентом (о чем он сам спустя годы напишет)¹³.

Корреспонденции для журналов и частные письма 1874–1875 г. проникнуты общим настроением удовольствия, которое получает сам ученый, так как ничто и никто не отвлекает его от деятельности по-настоящему полезной и нужной. Ну как не вспомнить здесь совет, который за несколько лет до того Буслаев давал Кирпичникову, отправившемуся за границу: «Сначала надо хорошенько втянуться в занятия, а потом уже отдыха ради время от времени давать о себе знать печатно. Но непременно нужно давать о себе знать, что Вы учитесь за границей — и с пользой для науки» (письмо от 8 июня 1871 г., выделено мною. — Л. Ф.)¹⁴. Именно так поступает он сам. Втянувшись в занятия, наладив обмен письмами с ближайшими коллегами и учениками, он пишет для журналов и газет, рассказывая всё, что полагает существенным и интересным для российского читателя, но прежде всего для научной аудитории.

Польза для науки состояла и в общении с итальянскими гуманитариями, в частности с Анджело де Губернатисом, отношения с которым Ф. И. Буслаеву было нетрудно установить благодаря содействию А. Н. Веселовского, поддерживавшего с итальянским ученым постоянные профессиональные контакты. Де Губернатис немало помог путешествующему русскому профессору с приобретением старинных книг, снабжая его адресами надежных букинистов. Об этом факте Буслаев не преминул сообщить и в уже упомянутом письме к А. Е. Викторову, и в одном из писем к Кирпичникову, написанном весной 1875 г. уже из Генуи.

Ответы, приходившие из России, нередко содержали запросы, в том числе и библиографического характера, и этим

переписка Ф. И. Буслаева (и особенно его переписка с А. И. Кирпичниковым) не менее интересна. Какие книги интересовали молодого приват-доцента Харьковского университета и в какой информации он наиболее нуждался в этот момент, рассчитывая на дружескую помощь своего университетского профессора? Всё, что мы находим об этом в письмах, безусловно, проливает свет на научную биографию Кирпичникова, в частности, на ход его работы над исследованием греческих любовных романов и повести о Варлааме и Иоасафе, которое он планировал представить как докторскую диссертацию¹⁵.

Переписка Буслаева и Кирпичникова, относящаяся к декабрю 1874 — январю 1875 г., еще вполне отражает филологическое направление их взаимных интересов, однако пройдет совсем немного времени, и влияние учителя начнет сказываться на выборе учеником нового предмета и новых путей исследования. А. И. Кирпичников обратит свое внимание на историю искусства. Он задумает совместить сравнительный анализ памятников словесности с иконографическим изучением памятников изобразительного искусства, чтобы в рамках такого подхода проанализировать какой-нибудь значимый для художественной культуры Средневековья образ, как окажется в дальнейшем — образ Девы Марии. Именно тогда он решит обратиться к Ф. И. Буслаеву с просьбой помочь ему найти литературу, которая позволит в короткие сроки пройти элементарный курс истории и археологии искусства, и засядет за работу. Но и спустя десятилетия Кирпичников будет сетовать об упущенном времени и, вспоминая пору студенчества, напишет о своем профессоре: «...его горячие внушения заняться историей средневекового искусства прошли для меня (и для всех моих товарищей, кроме Кондакова) совершенно даром. И как я потом жалел об этом!» [Кирпичников 1898, 22].

¹³ О жизни Ф. И. Буслаева в Париже на пути в Рим и его общении с французскими учеными вспоминал и А. И. Кирпичников, который летом 1874 г. также провел несколько недель в Париже, слушая лекции в Сорбонне и консультируясь у Гастона Париса, медиевиста, специалиста по романским литературам, профессора Коллеж де Франс [Кирпичников 1898, 34–39].

¹⁴ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 421. № 2. Л. 1.

¹⁵ См.: [Кирпичников 1876]. О жизни и научной деятельности Кирпичникова см., например, мою статью: [Фадеева 2015].

При подготовке к публикации трех писем, написанных зимой 1874/75 г., правописание в целом приведено в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но сохранены редкие случаи нетрадиционного написания слов, характеризующие специфическую манеру Ф. И. Буслаева, иногда нарочито акцентировавшего заимствованный характер той или иной лексемы в русском языке (как, например, в случае со словом *dilettant*, явно откликающимся своим графическим оформлением на итальянское *dilettante*). Воспроизведены также все подчеркивания, которые Буслаев и Кирпичников делали в письмах. Сокращения и недописанные слова, типичные для торопливого почерка Ф. И. Буслаева, восполнены в квадратных скобках. Неразборчивые места, в интерпретации которых возможны разночтения, выделены курсивом.

Рим. 7/19 дек[абря] 1874¹⁶.

Вы имеете самое превратное понятие о потомках Брута и Мецената, если воображаете, любезн[ый] Александр Иванович, что здесь есть какая-то библиотека, в которой можно навести справки о какой-то книжонке, до которой никому нет никакого дела, и представляете себе вечный город будто какой лагерь гиперборейских дикарей вроде Берлина или Лейпцига. Здесь занимаются только искусством да классиче[ской] древностью, и то в объеме, какой нужен на скорую руку новейшим варварам, осаждающим Рим с алчностью времен Аттилы¹⁷, чтобы поживиться крупичами его векового великолепия. Впрочем, немецкие педанты и здесь завели себе библиотеку, в институте на Тарпейской скале¹⁸, но там можно справиться только по классиче[кой] древности. Впрочем, на Ваши запросы вот ответ Де-Губернатиса¹⁹. *Erotici Greci, tradotti in italiano e illustrati da Sebast[iano] Ciampi*, 6 vol., Crispoli — Pisa, 1814–1817²⁰;

¹⁶ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 421. № 2. Л. 44–45об.

¹⁷ У Буслаева — Атиллы.

¹⁸ Имеется в виду Институт археологической корреспонденции (Istituto di corrispondenza archeologica), который был создан в Риме на общественные средства в 1829 г., но именно в 1875 г. был преобразован в Немецкий археологический институт (Kaiserlich Deutsches Archäologisches Institut) с центром в Берлине и филиалами в Риме и Афинах. Институт имел свое периодическое издание — *Bulletino dell'Istituto di corrispondenza archeologica*, знакомивший с хроникой археологических открытий в Риме. Здесь служил Жан-Поль Рихтер, исследователь из Лейпцига, с которым познакомился Ф. И. Буслаев. Библиотека Римского отделения со временем обрела славу одной из лучших, особенно в вопросах античной и христианской археологии.

¹⁹ *Анджело де Губернатис* (1840–1913) — итальянский филолог, востоковед, специалист в области санскрита и древнеиндийской литературы, писатель. Имея большой интерес к русской культуре, посещал Россию и установил обширные контакты с русскими учеными и литераторами. В частности, с Буслаевым его объединяли интересы к мифу и фольклору. Издавал несколько научных журналов, из которых славу наиболее авторитетного получил «*Rivista Europea*» (Европейский журнал), выходивший в свет с 1869 по 1876 г. В России работы Губернатиса нередко появлялись на страницах «*Вестника Европы*», поскольку он был одним из постоянных зарубежных сотрудников этого журнала.

²⁰ Обобщенная отсылка на тома серии, которая выходила в свет в Пизе с 1814 по 1817 г. В дальнейшем она обрела широкую известность под названием «*Collezione degli Erotici Greci, tradotti in volgare*» (Собрание греческих любовных романов в переводе на итальянский язык) и была повторена уже в однотомном издании (Firenze, 1833). В серию входили канонические тексты античной прозы: *Gli Amori di Leucippe e Clitofonte di Achille Tazio. Volgarizzati da Angelo Coccio, illustrati e corretti dal prof. Sebastiano Ciampi. Crispoli [Pisa], 1814*; *Gli amori di Abrocome e d'Anzia. Volgarizzati da Antonio Maria Salvini, emendati da Ennio Q. Visconti. Pisa, 1816*; *Gli amori di Teagene e di Cariclia di Eliodoro. Tradotti da m. Leonardo Glinco (Ghini). T. 1, 2. Pisa, 1816*; *Gli amori di Cherea e Callirroe di Caritone Afrodisieo. Volgarizzati da m. Angiolo Giacomelli e illustrati dal prof. Sebastiano Ciampi. Pisa, 1816*; *Gli amori d'Ismenio e d'Ismine di Eustazio. Libri XI. Ridotti in italiano da Lelio Carani. Pisa, 1817*. К этой же серии примыкают издания: *Gli amori pastorali di Dafni e Cloe di Longo Sofista. Tradotti in italiano dal comm. Annibal Caro col supplemento tradotto dal prof. Sebastiano Ciampi. Firenze, 1811*; *Lettere di Aristeneto. Tradotte da un Accademico Fiorentino. Crispoli [Pisa], 1807* (повторно: Pisa, 1817).

Le lettere di due Amanti del Piccolomini, Torino, 1855 или 1856 г.²¹

По следам прочих северных варваров и мы с женой только и делаем, что осаждаем дворцы Нерона и других Кесарей, их термы и театры с цирками и тому подобные всесвятые знаменитости, не брезгая, впрочем, и новейшею цивилизациею, которая для²² обывателей Рима оканчивается временами Микеланджело²³ и Бернини. Живя в приходе двулицего Януса, забываешь различие между прошедшим и будущим и не знаешь, куда следует идти, вперед или назад. Наши последние новости — все заднего числа: разрывают кругом Пантеона, и каждый день, направляя прогулку в ту сторону, открываешь то новую ступеньку в широкой лестнице, которую этот храм спуускался к мостовой, то новые ряды громадных камней самой мостовой, то остатки фриза с рельефными украшениями. Идешь в Колизей: там опять роют и докапываются аршин на 10 ниже наносного уровня — до древне[го]

павимента²⁴ с какими-то металлическими кругами, и в них металлические втулки, — и всё это подземное пространство перегорожено стенами, значение коих теперь составляет вопрос археологии.

Вы отсылаете меня для справки в библиотеку, предполагаю какую-то одну, привилегированную. Здесь их десятки, и все они остановились на эпохе изобретения книгопечатания. Есть библиотека в Минерве²⁵, другая в Св. Павле fuori le mura²⁶, есть во дворцах Barberini, Colonna. Если Вы разумеете библиотеку университетскую, то она еще когда-то будет, потому что университет только еще строится в монастырских виноградниках и садах на Виминале, кругом Maria Maggiore²⁷. Итальянцы не хуже русских — у них такая же широкая натура, и всё замышляется на большую руку: целый квартал для химических лабораторий, другой квартал для физики, третий для медицинского факультета²⁸. Вроде французс[кой] Сорбонны²⁹ еще у нас Sapienza³⁰, учрежденная по

²¹ Речь идет об издании романа в письмах “Historia de duobus amantibus / Storia di due amanti” (История двух влюбленных), который принадлежит перу итальянского гуманиста из Сиены Энея Сильвио Пикколомини (1405–1464), в дальнейшем избранного папой и более известного как Пий II (1458–1464). Роман был написан в 1444 г. Вероятно, он интересовал Кирпичникова как развитие линии европейского любовного романа эпохи Возрождения, поскольку одной из целей его исследования в это время было «влияние греческого эротического романа на роман новой Европы» [Кирпичников 1876].

²² Слово было написано дважды: в конце первой страницы письма и в самом начале следующей, поэтому в первом случае Буслаев его зачеркнул.

²³ У Буслаева — Микельанжело.

²⁴ *Pavimento* — мостовая, мощеная дорога (*um.*).

²⁵ Известна также как Biblioteca Casanatense, по имени своего основателя кардинала Джироламо Казанате (1620–1700), завещавшего огромную коллекцию книг доминиканскому монастырю, который принадлежал базилике Santa Maria sopra Minerva — собору Божией Матери над Минервой (т.е. на месте посвященного Минерве античного храма). С XIII в. в этой базилике был центр доминиканского ордена в Риме, во второй половине XVI в. здесь было открыто крупное учебное заведение — Collegium Divi Thomae (Коллегиум божественного Фомы). Библиотека, открытая в 1701 г., получила специальное здание, активно развивалась и на долгие годы стала одной из богатейших в городе.

²⁶ За городскими стенами (*um.*) Собор на Остийской дороге, по преданию, стоит на месте погребения св. апостола Павла на Остийской дороге и относится к важнейшим — папским — базиликам Рима.

²⁷ *Santa Maria Maggiore* — собор Божией Матери на Эсквилинском холме, еще одна папская базилика, по своей величине и важности превосходящая все существующие в Риме богородичные церкви. Известна, помимо всего прочего, богатой музейной коллекцией.

²⁸ О строящемся на Виминале университете и о приспособлении монастырских строений под химические лаборатории Буслаев пишет и в «Римских письмах», см. подробнее: [Буслаев 1886 (I), 102–106].

²⁹ У Буслаева — Сорбонны.

³⁰ Римский университет, основанный еще в начале XIV в. папой Бонифацием VIII и долгое время сохранявший принадлежность Ватикану. С 1870 г. перестал быть папским учебным заведением и перешел в ведение города. Свое название получил в середине XVII в. и с гордостью носит его до сих пор, поэтому полное название учебного заведения сегодня — Università di Roma “La Sapienza”.

плану Брунетто Латини³¹ с братиею, и до 1870 года преподавали в ней пииты и ораторы, которые для своего вдохновения не прибегали к Вашим Варлаам[ам] и другим новейшим затеям и которые видели только порчу классическ[ого] языка della Crusca³². Влияние европейской учености, так сильно сказавшееся в Милане, Турине, Болонье, Пизе, Флоренции, — для них не иное что, как варварское посягательство на Италию, продолжение тех же тевтонских набегов, которые превратили Рим в кучу развалин.

И в самом деле, что может быть безобразнее в глазах слагателей сонетов и похвальных од на именины *кардинала*, как не лекции о каких-то Ведах, которые читает и издает De Gubernatis³³?

Мне посчастливилось живьем узреть такого профессора-слагателя поздравительных вирш[ей]. Если придется кстати, опишу этот куриозный экземпляр XVII века в одной из своих корреспонденций. Что же касается до *Letture sopra la mitologia vedica* (Firenze, 1874), которые

читал De-Gubernatis в Флорент[ийском] институте высших знаний³⁴, то я о них написал несколько заметок, основанных на славяно-русск[их], литовск[их] и финск[их] памятниках. Этот мой ответ в итальянской стилистике будет напечатан в февраль[ской] книжке Rivista Europea³⁵. Кстати, в октябрь[ской] книжке этого же журнала De Gubernatis известил Италию о знаменитом русском лингвисте профессоре Буслаеве, который путешествует по Италии и в настоящее время находится в Риме³⁶. Вы смеетесь над этой литературой *приятельских* взаимнохвалений, но всё же это итальянское радушие во сто раз лучше того покровительственного гладыня по головке, которым нас обоих³⁷ с Вами свысока награждали в Париже за прилежание и успехи в науках. Либрехт³⁸ невыразимо рад моей корреспонденции о нем, которую я ему переслал во франц[узском] переводе. Из Рима корреспондент[ий] еще не посылал. Всё гуляю и ленюсь, а теперь, как ученик,

³¹ *Брунетто Латини* (ок. 1220–1294) — поэт, ученый, государственный деятель. Жил во Флоренции и был сторонником гвельфов. Дружил с Данте Алигьери. Провел несколько лет в изгнании, но затем вернулся и занимал заметные позиции во флорентийском обществе.

³² Accademia della Crusca была основана во Флоренции в 1583 г. Ее главная задача — забота о чистоте языка, составление словарей и популяризация грамматических норм. И по сей день академия издает журналы “Studi di filologia italiana”, “Studi di grammatica italiana” и “Studi di lessicografia italiana”.

³³ Речь идет о книге Анджело де Губернатиса “Letture sopra la mitologia vedica”, которая вышла в свет во Флоренции незадолго до того (1874). См. ниже.

³⁴ Istituto Superiore di Studi Pratici e di Perfezionamento (Высший институт практического обучения и усовершенствования). Такое название с 1859 по 1924 г. носил один из старейших университетов Италии — Флорентийский университет, где преподавал Анджело де Губернатис.

³⁵ Статья Буслаева, написанная в столь полюбившейся ему форме открытого письма, была напечатана под названием “Appunti di mitologia slava, lettera al professore Angelo De Gubernatis” в журнале “Rivista Europea” (anno 6, vol. I, fasc. 3, febbraio 1875, pp. 433–446).

³⁶ Вероятно, речь идет об упоминании Ф. И. Буслаева в: Rivista Europea, anno 5, vol. IV, fasc. 1, settembre 1874, pp. 192–193.

³⁷ Слово вставлено.

³⁸ *Феликс Либрехт* (1812–1890) — немецкий фольклорист и историк литературы. В России был широко известен его комментированный перевод на немецкий язык «Истории вымысла» (“The history of fiction: being a critical account of the most celebrated prose works of fiction, from the earliest Greek romances to the novels of the present age”) шотландского историка Джона Колина Данлопа (труд был впервые издан в Эдинбурге в 1814 г., перевод Ф. Либхта “Geschichte der Prosadichtungen” вышел в свет в Берлине в 1851 г.).

В известной лекции А. И. Кирпичникова сохранилось воспоминание о том, как Ф. И. Буслаев рад был знакомству с Ф. Либрехтом. Обстоятельства этого знакомства он передал Кирпичникову при встрече в Париже летом того же года: «С чисто юношеским жаром Ф. И. рассказал мне, с какими милыми людьми познакомился он проездом через Германию; особенно был он в восторге от известного историка литературы и фольклориста Феликса Либрехта, труды которого он и прежде усиленно рекомендовал нам, ученикам своим. “Вы не можете себе представить, какой это симпатичный и живой старик! Часы, которые я провел с ним на берегу Рейна, одни из лучших часов в моей жизни!”» [Кирпичников 1898, 35].

отдыхаю после поданного мною упражнения в итальянск[ом] языке.

Пишите ко мне чаще.

Пред[анный] В[ам], Ф. Буслаев.

P.s. Жена Вам кланяется.

Сбоку приписка: Что сделалось с Гиляровым³⁹? Больше месяца от него ни слуху, ни духу. Уведомьте.

Харьков. 25 декабря 1874⁴⁰.

Многоуважаемый Федор Иванович,

Я еще всё сижу в 1874 г[оду], тогда как Вы давно уже перешли в 75 год, который дебютировал восстановлением наследственной, но конституционной монархии в Испании, т.е. той же aureae mediocritatis⁴¹, от которой и к которой всё бежит. Я убежден, что мы накануне ее временного, но продолжительного господства; а впрочем, Харьковская политика для Римлянина... risum teneatis, amici⁴².

Мне очень грустно, Федор Иванович, что Вы обидели наших французов, сравнивая их с Вашими итальянцами, так как первые будто бы снисходительно гладили нас по головке за усердие; ко мне-то они точно относились покровительственно; да и как они могли бы отнестись иначе? Не только такое ничтожество, как я, но

и сам великий Веселовский Г⁴³ и К^о останутся детьми в их деле; но в Вас они видели собрата, и наивно-зlostные выходки Мг Гедоза⁴⁴ — знак великого и искреннего уважения. Итальянцев не знаю; Revista Eugorea еще не пришла, но за французов позвольте заступиться⁴⁵.

Мои российские новости, Вы говорите, запаздывают; я так и думал: ведь в огромном теле нашей матушки кровь обращается с невероятной медленностью; когда-когда шарик до Харькова доползет! Общий тон — то же шатание, то же деловое бездельничество, какое Вы оставили и какое нашли бы и в том случае, если не через год, а через 5 лет возвратились на родину. Мы не накануне.

Благодарю Вас за справки; 2-ая мне очень интересна, так как ни одна библиография не указывала на новое издание Piccolomini; если б Вы могли купить Le lettere di due amanti del Piccolomini, Torino, 1855 и захватить с собою в Россию! Из харьковских новостей могу Вам сообщить 2: Потебня блистательно защитил диссертацию⁴⁶, блистательно избран в совет и несколько развернулся, благодаря признанию, хотя и очень позднему, его заслуг. Лавровский⁴⁷ уезжает в Нежин

³⁹ Федор Александрович Гиляров (1841–1895) — филолог, педагог, журналист, племянник Н.П. Гилярова-Платонова, философа и литературного критика, известного своими славянофильскими взглядами. Ученик Ф.И. Буслаева, товарищ А.И. Кирпичникова по университету. Будучи начинающими преподавателями словесности в московских гимназиях, они вместе составили два методических пособия по русскому языку, бывших очень популярными в дореволюционной педагогике.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 42. Картон 12. Л. 14–15 (оригинал); Ф. 484. Картон 2. Л. 24–25 (копия).

⁴¹ Золотой середины (лат.).

⁴² Удержитесь ли вы от смеха, друзья? Латинское крылатое выражение, которое восходит к «Науке поэзии» Горация (“Spēctat(um) ādmissi risūm teneātis, amīci?”).

⁴³ Кирпичников называет Александра Николаевича Веселовского первым, вероятно подразумеваемая также и его брата, тоже коллегу-филолога, Алексея Николаевича Веселовского.

⁴⁴ Речь идет о французском фольклористе-кельтологе Анри Гедозе (1842–1932), известном также благодаря ежемесячному журналу по фольклору “Melusine, recueil de mythologie, litterature populaire, traditions et usages”, издание которого он начал совместно с Э. Ролланом спустя несколько лет — с 1877 г. В этом периодическом издании печатались и русские ученые.

⁴⁵ В качестве возможного комментария к теме, затронутой Буслаевым и Кирпичниковым в этих письмах, уместно сослаться на статью [Заборов 1988].

⁴⁶ Александр Афанасьевич Потебня, с которым А.И. Кирпичников сблизился, заняв кафедру в Харьковском университете, защитил докторскую диссертацию 24 ноября 1874 г., представив в ученый совет историко-филологического факультета Харьковского университета первый том своего фундаментального двухтомного труда «Из записок по русской грамматике» (1873 и 1874). Это была уже вторая попытка ученого, поскольку написанная им в первой половине 1860-х гг. работа «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» получила отрицательную рецензию П. А. Лавровского и в качестве докторской была отклонена ученым советом.

⁴⁷ Петр Алексеевич Лавровский (1827–1886) — славист, историк языка, профессор Харьковского университета (некогда университетский преподаватель А. А. Потебни), член-корреспондент Императорской Академии наук, действительный член Общества любителей русской словесности. В разные годы занимал административные должности в Харьковском и Варшавском университетах.

2-го января; мы давали ему обед, нельзя же не пропеть: будь нам начальником вечно и пр. Отъезд его повергает меня в неизреченную грусть: придется ведь на поклон ехать к Московским и Петербургским друзьям, ибо Лавровский в Киевский университет и заглядывать не желает. Не одному мне, но и целому факультету грустен отъезд Лавр[овского]: начинается анархия; в деканы выбрать некого. Лавр[овский] делал такое завещание: выбрать Петрова в деканы, а меня в секретари; но Петрова не выберут, а что касается до меня, то — тоже не выберут, да, кроме того, при ленивом декане я и не пойду; иное дело было при Лавр[овском]: даром получать 300 рубл[ей] никто не отказался бы. Что касается замещения кафедры, то, не посоветовавшись со мной (оно и хорошо, ибо мой совет заранее известен), решились попытаться на счет Андрея Попова⁴⁸, который, конечно, не поедет из Москвы; в случае же его отказа — одна надежда Гиляров⁴⁹, но он мне пишет, что в июле месяце надеется напечатать приложения к диссертации. Долгонько ждать его магистерства, ну да подождут, не велики фигуры!

Что касается до моего докторства, оно еще далеко; тема всё расширяется, а работа идет страшно медленно, отчасти по моей лени, отчасти по очень странному обстоятельству; знаете ли, чем я теперь занимаюсь? Самообразованием, на старости лет; читаю умные книжки, и даже в философию пустился. *Mieux tard, que jamais*⁵⁰. Вы ведь, Федор Иванович, нас невольно обманули: ребята попали мы Вам в руки; Вы, сами получивши крещение Шеллинга⁵¹ и Винкельмана

в отрочестве и занимаясь теперь специальным делом, на это самое дело указали и нам. Мы работали, хоть и кое-как, но понять не могли: отчего это всё так, да не так выходит? Относительно себя я так понял: дело ж в моем невежестве. Начал я с Гартмана⁵² с тем большей охотою, что теория общих мест должна, я убежден, искать своего философского оправдания в *Philosophie des Unbewussten*. Книжка, судя по первым главам, любопытная, хоть и видно, что писал ее человек из эпигонов.

Диссертация двигается медленно и потому, между прочим, что приходится много читать по-гречески, а *c'est le grec pour moi*⁵³, как говорят французы.

Засвидетельствуйте мое почтение Людмиле Яковлевне⁵⁴; свылась ли она с Италией?

Преданный Вам А. Кирпичников.

Рим. 18/30 января 1875⁵⁵.

Вы попали, любезн[ый] Александр Иванович, не знаю, как назвать, в слабую ли, или сильную часть моего сердца и ума, коснувшись той доли воспитания и образования, которую с ранних лет примешала к моим специальным занятиям любовь к искусствам и ко всему, что значится под рубрикою: *humanium*. Нет сомнения, что эта примесь много способствовала к тому, чтобы во всем, чем бы я ни занимался, я вышел не более, как дилеттант, не только в истории искусства, но и в истории литературы, в грамматике и в сравнитель[ной] науке. Для моего неуживчивого характера узка всякая специальность и тем более такая сухая, как буква или вариант. Литература не дает мне всего, что мне нужно; я бросаю ее и пускаюсь в историю искусства;

⁴⁸ Андрей Николаевич Попов (1841–1881) — исследователь древнерусской книжности, ученик Ф. И. Буслаева и О. М. Бодянского по Московскому университету. Среди наиболее известных его трудов — «Обзор хронографов русской редакции», дополненный «Изборником (хрестоматией) славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» (1866–1869) и «Описание рукописей библиотеки А. И. Хлудова» (1872). С 1877 г. занимал должность секретаря Общества истории и древностей при Московском университете.

⁴⁹ См. выше сноску 38.

⁵⁰ *Mieux vaut tard que jamais* (фр.). Лучше поздно, чем никогда.

⁵¹ О книге Ф. Шеллинга «Философия мифологии» и взглядах на нее Буслаева см.: [Топорков 1997, 84–88].

⁵² Эдуард фон Гартман (1842–1906) — немецкий философ. Наиболее известна его работа, о знакомстве с которой и пишет А. И. Кирпичников, — «Философия бессознательного» (1869).

⁵³ *C'est du grec pour moi* (фр.). Идиоматически указывает на невозможность понять то, о чем идет речь.

⁵⁴ Людмила Яковлевна Буслаева, урожденная Тронова, вторая жена Буслаева (с 1868 г.). Во всех письмах Кирпичникова мы встречаем это необычное написание ее имени.

⁵⁵ РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 421. № 2. Л. 22–23об.

это еще менее меня удовлетворяет, и я обращаюсь в омуты сравнит[ельной] мифологии, но выкупавшись в них — спешу под открытое небо исторических фактов. Может быть, это повредило мне в ученой репутации, но дало мне много наслаждения в кабинетной работе.

Этого недорогого таланта я не скрывал под спудом. Мои разнообразного содержания книги, мои рисунки и гравюры — всегда были к услугам университетской молодежи⁵⁶. Но моя ли вина, если всё это никого не интересовало! Я сам в толпе, равнодушной ко всему высокому и гуманному, боялся отупеть и одуреть и только силою привязанности, без внешней поддержки вновь и вновь возвращался к тому, что никому не было нужно и о чем говорить было не с кем.

А Винкельмана⁵⁷ я полюбил как раз через год по окончании университетского курса, когда я изучал его в Риме, следя за каждой строкою его истории, которую он писал здесь в вилле Альбани⁵⁸, набираясь фактами по музеям здешним, по садам и виллам, по церквям и даже улицам и площадкам. И вот, бывало, сижу я в своей комнатке над историею искусств Винкельмана и на которой странице вычитаю, что такая-то античная статуя послужила образцом Рафаэлю и Микеландж[ело]⁵⁹ или была не понята в подражании какого-нибудь посредственного мастера

XVII столетия — я тот же день направляю свою прогулку в тот музей, в тот сад или в ту церковь, где находятся вещи, упомянутые Винкельманом, и, воротившись домой, остаюсь в счастливом убеждении, что сегодня я сделал точно такую же прогулку, как и Винкельман, когда он писал эту страницу. Словом, Винкельмана я не то что изучил, а даже выгулял всего в Риме, пережил — как мне это казалось тогда. Точно так же выгуливал и переживал я тогда Горация и Овидия (которых я тогда свободно читал и знал даже наизусть) — затем Тасса, Ариосто, Бокаччио, особенно Данта. Мне мало было изучить их текст — мне постоянно хотелось быть на тех местах, которые они описывали, видеть те предметы, которые их вдохновляли. Я гордился тогда мыслию, что это мои настоящие учителя, это мои живые профессора вместе с великими художниками XV и XVI в[еков], мне думалось — что⁶⁰ произведения искусства, как живая лекция, должны поучать меня, будто говорят со мною сами творцы их, или что история памятника и места, освященная всяким воспоминанием, красноречивее говорят уму и сердцу, нежели всякое живое слово, какое я услышу в Москве или даже в Берлине или Париже.

Конечно, всё это мечты, но они привели с собою всё то, что мне особенно дорого в моих ученых убеждениях. Проверять свои юношеские Wanderjahr[e]⁶¹ теперя

⁵⁶ О том, что и библиотека Ф. И. Буслаева, и его коллекция произведений изобразительного искусства всегда была доступна студентам, приходившим в дом профессора за консультациями, позднее будет вспоминать А. И. Кирпичников: «Я вошел в постоянные близкие отношения со своим любимым профессором и мог сколько угодно пользоваться его советами и библиотекой» [Кирпичников 1898, 22]. По этому образцу Кирпичников построит свои взаимоотношения со студентами Харьковского университета.

⁵⁷ *Иоганн Иоахим Винкельман* (1717–1768) — немецкий искусствовед, автор основополагающих трудов по истории античного искусства и археологии; из них классической является «История искусства древности» (1764), которую с увлечением читал Буслаев.

⁵⁸ *Вилла Альбани* (позднее Альбани-Торлония по имени владельцев, купивших ее в середине XIX в.) — некогда одна из знаменитых римских вилл, устроенная в 1747–1767 гг. по распоряжению кардинала Алессандро Альбани как его резиденция. В комплекс виллы входили господский дом и сад с фонтанами. Была известна, главным образом, коллекцией древней римской скульптуры, собирать которую кардиналу помогал И. И. Винкельман, служивший у него библиотекарем. Президент Императорской Академии наук граф С. С. Уваров, славившийся своим пристрастием к античности, говорил об этой вилле как о том месте, «где родилась новейшая Археология, где Винкельман занимался своими превосходными исследованиями», и подчеркивал при этом, что «влияние ученого антиквара на ученого Кардинала и связь музея Альбани с учреждением музеев Ватиканских представляют любопытную эпоху в истории памятников Древности» [Уваров 1846, 18] (особенности правописания оригинала сохранены. — Л. Ф.).

⁵⁹ У Буслаева — Микельанж[ело].

⁶⁰ Далее слово зачеркнуто.

⁶¹ Годы странствий (нем.).

на тех же местах, я подписываю опытной рукою заслуженного профессора мое полное одобрение ребяческим мечтам кандидата Московск[ого] универ[ситета] Федора Буслаева.

Теперь слова два о след[ующем] месте в Вашем письме: «Мне очень грустно, — пишете Вы, — что Вы (т.е. я) обидели наших французов, сравнивая их с Вашиими итальянцами, так как первые будто бы снисходительно гладили нас по головке за усердие; ко мне-то они точно относились покровительственно» и т.д. Именно вот это-то самое я и хотел сказать. Благодарю Вас за подтверждение моей мысли и крепко жму Вашу руку. Наши, или лучше мои, итальянцы были бы к Вам вежливее и справедливее. Французы слишком павлинятся своим всевысвятым превосходством, они и немецк[ой] наукой теперь пользуются

свысока, будто завоеванным трофеем, и во внимании к нам, русским, слишком заметно чувствуется неожиданное удивление, что и дикари начинают вкушать сладость науки. Итальянцы беспристрастны к другим национальностям, ставя их все огульно ниже своей, по преданию почитая всех трансальпийских жителей варварами, будет ли то француз, inglese⁶² или наш брат азиатец. Вместе с тем в варварах же они привыкли уважать силу и способность завоевывать гуманные сокровища цивилизации, т.е. Италии. Со времен Лонгобардов и Готов привыкли они брататься⁶³ с варварами и уважать в них способность быть итальянцами, т.е. становиться на одинаков[ой] ступени высшей цивилизации. Это, батюшка мой, так. Приезжайте поживите к ним сюда. Сами Вы приживетесь здесь лучше, чем в Москве, и скажете то же самое.

Источники и материалы

Абрамович 1925 — Письма Ф.И. Буслаева // Из переписки деятелей Академии наук / Пригот. к печати проф. Д.И. Абрамович. Л.: Р. П. Б., 1925. С. 9–31.

Буслаев 1875 — *Буслаев Ф.* Из Рима [17-го (5-го) февраля 1875] // Московские ведомости. 1875. 15 февраля. № 44. С. 4.

Буслаев 1886 — [*Буслаев Ф. И.*] Мои досуги, собр. из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева: В 2 ч. М.: Синодальная тип., 1886.

Буслаев 1897 — [*Буслаев Ф. И.*] Мои воспоминания / Академика Ф.И. Буслаева; Изд. В.Г. Фон-Бооля. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897.

Буслаев 1930 — *Буслаев Ф. И.* Из Рима. Письма на имя председателя Общества древнерусского искусства // Сочинения Ф.И. Буслаева. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. С. 210–224.

Долгов 1903 — С.Д. Александр Иванович Кирпичников [некролог] // Византийский вестник. 1903. Т. X. Вып. 3–4. Отд. III. С. 704–708.

Кирпичников 1876 — *Кирпичников А. И.* Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков: Унив. тип., 1876.

Кирпичников 1898 — *Кирпичников А. И.* Ф.И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов: Лекция, читанная в Одессе 26 ноября 1897 года в пользу основания Буслаевского фонда. М., 1898.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Уваров 1846 — [*Уваров С. С., граф*]. Рим и Венеция в 1843 году: Пер. с фр. Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1846.

Исследования

Афиани 1972 — *Афиани В. Ю.* Эпистолярное наследие Ф.И. Буслаева в московских хранилищах // Археографический ежегодник за 1971 год. М.: Наука, 1972. С. 304–314.

Заборов 1988 — *Заборов П. Р.* А.Н. Веселовский и французские ученые (по архивным материалам) // Русская литература. 1988. № 1. С. 140–149.

Кызласова 1985 — *Кызласова И. Л. И.* Письма Н.П. Кондакова к Ф.И. Буслаеву; II. Письма Ф.И. Буслаева к Н.П. Кондакову // Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 161–176.

Кызласова 1986 — Письма Н.В. Покровского к Ф.И. Буслаеву / Публ. И.Л. Кызласовой // Археографический ежегодник за 1985 г. М.: Наука, 1986. С. 306–307.

Топорков 1997 — *Топорков А. Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997.

Фадеева 2015 — *Фадеева Л. В.* Кирпичников А.И. // Неизвестные страницы русской фольклористики. М.: Индрик, 2015. С. 430–442.

© Л. В. Фадеева, 2021

⁶² Англичанин (*ит.*).

⁶³ Слово зачеркнуто, но потом повторено.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеева Л. В. <https://orcid.org/0000-0002-6003-6190>

Кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора и народного искусства Государственного института искусствознания: Российская Федерация, 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5; тел.: +7 (495) 694-03-71; e-mail: volfs@list.ru

From Roman Letters: The Correspondence Between F. I. Buslayev and A. I. Kirpichnikov, December 1874 — January 1875

Liudmila V. Fadeyeva

(State Institute for Art Studies, Ministry of Culture of the Russian Federation:
5, Kozitsky side str., Moscow, 125009, Russian Federation)

Summary. *This publication presents the correspondence between two Russian philologists, a teacher and a student — Fedor Ivanovich Buslaev and Alexander Ivanovich Kirpichnikov. Their three letters, taken from the archives, have never been published before. These documents illustrate Buslaev's and Kirpichnikov's attitude towards both humanitarian knowledge as a whole and in particular the problem of its permeable borders. Buslaev's letters from Rome may be considered the best example of his epistolary heritage. They make it possible to judge Buslaev's attitude towards his own scholarship and reveal important aspects of his self-education. They explain the desire of one of the founders of Russian philology to devote himself to studying the history of art as well as his conviction of the inextricable connection between verbal and visual images.*

Key words: *folklore and literature studies, art history, history of science, F.I. Buslaev, A.I. Kirpichnikov.*

Received: March 12, 2020.

Date of publication: March 25, 2021.

For citation: Fadeyeva L. V. From Roman Letters: The Correspondence Between F. I. Buslayev and A. I. Kirpichnikov, December 1874 — January 1875. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 167–181. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.014>

References

Afiani V. Yu. (1972) Epistol'yarnoe nasledie F. I. Buslaeva v moskovskikh khranilishchakh [The Epistolary Heritage of F. I. Buslaev in Moscow Repositories]. In: *Arkhograficheskii ezhegodnik za 1971 god* [Archeographic Yearbook for 1971]. Moscow: Nauka. Pp. 304–314. In Russian.

Fadeeva L. V. (2015) Kirpichnikov A. I. In: *Neizvestnye stranitsy russkoi fol'kloristiki* [Unknown Pages of Russian Folklore Studies]. Moscow: Indrik. Pp. 430–442. In Russian.

Kyzlasova I. L. (1985) I. Pis'ma N. P. Kondakova k F. I. Buslaevu; II. Pis'ma F. I. Buslaeva k N. P. Kondakovu [I. Letters of N. P. Kondakov to F. I. Buslaev; II. Letters of F. I. Buslaev to N. P. Kondakov]. In: *Kyzlasova I. L. Istoriya izucheniya vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii* (F. I. Buslaev, N. P. Kondakov: metody, idei, teorii) [History of the Study of Byzantine and Ancient Russian Art in Rus-

sia (F. I. Buslaev, N. P. Kondakov: Methods, Ideas, Theories)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Pp. 161–176. In Russian.

Kyzlasova I. L. (comp.) (1986) Pis'ma N. V. Pokrovskogo k F. I. Buslaevu [Letters of N. V. Pokrovsky to F. I. Buslaev]. In: *Arkhograficheskii ezhegodnik za 1985 god* [Archeographic Yearbook for 1985]. Moscow: Nauka. Pp. 306–307. In Russian.

Toporkov A. L. (1997) *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The Theory of Myth in 19th Century Russian Philology]. Moscow: Indrik. In Russian.

Zaborov P. R. (1988) *A. N. Veselovskii i frantsuzskie uchenye (po arkhivnym materialam)* [A. N. Veselovsky and French Scholars (Based on Archival Materials)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1988. No. 1. Pp. 140–149. In Russian.

© L. V. Fadeyeva, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Liudmila V. Fadeyeva <https://orcid.org/0000-0002-6003-6190>

E-mail: volfs@list.ru

Tel.: + 7 (495) 694-03-71

5, Kozitsky side str., Moscow, 125009, Russian Federation

PhD in Philology, Head of the Sector of Folklore and Folk Art, State Institute for Art Studies,
Ministry of Culture of the Russian Federation

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)

**Государственный Российский
Дом народного творчества
имени В. Д. Поленова
совместно с Центром народной
культуры Ульяновской области
выпустил в свет книгу**

Славянская традиционная
культура и современный мир.
Вып. 18: Детская культура
и фольклор в социокультурном
пространстве России / Сост.:
В. Е. Добровольская, А. Б. Иппо-
литова; отв. ред. М. Г. Матлин.
Москва — Ульяновск: ГРДНТ
имени В. Д. Поленова, Центр на-
родной культуры Ульяновской
области, 2020. 432 с.
ISBN 978-5-93274-289-1

В сборник включены материалы очередной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир», прошедшей в октябре 2020 г. в Ульяновске. Конференция 2020 г. была посвящена детской культуре и фольклору в социокультурном пространстве России. Издание предназначено специалистам в области традиционной культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся фольклором.